

РАННЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ ИНВЕКТИВА
И ЕЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ ОСНОВА

Смеховая традиция античности не оставила непосредственных следов в фольклоре. Однако в раннегреческой литературе отражаются некоторые особенности смехового мира ранней античности, его природа и функции, амбивалентность комического по отношению к реальной действительности. Известная нам во фрагментах древнегреческая анонимная поэма "Маргит" относится к таким смеховым повествовательным произведениям, которые существовали в древности параллельно с серьезным эпосом и являлись одним из отражений специфического понимания древними природы и функции комического.

Вопрос атрибуции и датировки поэмы спорен. Аристотель приписывает "Маргита" Гомеру (Eth. Nic., VI, 72; Poet., 4), так как в созданной им системе трансформации античных жанров нужно было найти истоки для каждого жанра в конкретном произведении их родоначальника - Гомера. По словам Евстратия никейского (XI-XII вв.) "Маргита" считали гомеровским также Архилох, Кратин, Каллимах (Eustrat. in Arist., Eth. Nic., VI, 7; Comm. in Arist. Graeca, XX, 320, 33). Однако многие исследователи считают, что свидетельство Евстратия не может быть доказательством того, что уже Архилох знал поэму и считал ее гомеровской.¹ Тем не менее упоминание об Архилохе и атрибуция поэмы древними Гомеру свидетельствуют об ее архаике.

Поэма известна только во фрагментах. До опубликования в 1954 г. Оксиринхского папируса № 2339 их было известно три. Первый, цитируемый псевдо-Платоном в "Алкивиаде", состоит из одного гекзаметра: πολλὰ ἤλιστα ἔργα, καὶς δ' ἤλιστα κάρτα 'многие дела он знал, но все знал плохо'. Другой фрагмент из 1 1/2 гекзаметров сохранился у Аристотеля в "Никомаховой этике", а конец второго стиха - у Клементя Александрийского (Arist., Eth. Nic., VI, 7p. II41a, 12; Clem., Strom., I, 25, 1):

τὸν δ' οἱ ἀπ' οὐρανῶν θεοὶ θέσαν οὐτ' ἀροτῆρα

οὐτ' ἄλλως τι σοφὸν· κάρς δ' ἠμάρτανε τέχνης
'Боги его не сделали ни пахарем, ни земледельцем, | Ни сведущим в чем-то другом. Он был несведущ во всяком деле.'

Третий фрагмент, состоящий из трех стихов, из которых первые два - гекзаметры, а третий - ямбический триметр, цитирует грамматик Атилиус Фортунатиан (Gramm. Lat., VI, 286, 2): "sequitur ut de iambico dicere debeamus, cuius auctorem alii Archilochum, alii Hipponactem volunt. Sed primus hoc usus est Homerus in Margite:

"ἄσος τις ἐς Κολοφῶνα γέσων καὶ θεῶς δοιδός,

Μοῦσῶν θεράπων καὶ ἐκπρόβου Ἀτόλλωνος

φίλητος ἔχων ἐν γέσῳ εὐφροσύνην λύσῳ."

'Следовательно, мы должны говорить об ямбическом размере, изобретателем которого одни хотят считать Архилоха, другие Гиппонакта, но впервые его использовал Гомер в "Маргите": "В Колофон пришел некий старец и божественный певец, | Слуга Муз и далекоразящего Аполлона, | Державший в руках прекрасновозвучную лиру'.

В подлинности всего этого фрагмента сомневались.² Не вызывал сомнения только второй стих, так как он засвидетельствован у Аристофана в "Нитцах" (ст. 910-914). Странный размер последнего фрагмента также вызывал недоверие и казался надуманным, хотя были известны свидетельства о метрике, в которых сообщалось о смешении гекзаметров с ямбами в поэме "Маргит" (Hermaest., 56 Consbr; Marius Victor, VI, 133 Consbr. и т.д.). Подтверждением подлинности метрического размера этого трехстрочного фрагмента явился новый Оксиринхский папирус, опубликованный Э. Лобелем в 1954 г.³ Текст папирусного фрагмента сильно испорчен: из 22 строк читаются только 9. В нем, как и в предыдущем отрывке, гекзаметрические строки чередуются с ямбическими, причем без всякого порядка: 1, 3, 4, 5, 6, 12, 13, 16 - ямб; 2, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15 - гекзаметры. Дальнейшие стихи (17-22) дошли в очень плохом виде и метрическому разбору не поддаются. Э. Лобель датировал папирус I в. до н.э. - I в. н.э., предпочитая все же более раннюю датировку

ку. Он атрибутировал папирус "Маргиту" на основании метрики и лексического состава. С атрибуцией Э. Лобеля согласились многие современные ученые (К. Латте, Г. Лангербек),⁴ но некоторые сомневались в принадлежности папируса "Маргиту" (М. Фордэрер, В. Людвиг)⁵ на том основании, что в свидетельствах о метрике "Маргита" сообщается, что в нем произвольное число гекзаметров (от 2 до 10) время от времени чередуется с оди-
ночным ямбическим стихом (Herphaest., 56, Copenhagen.; Marius Victor., VI, 133 Copenhagen.). В нашем же фрагменте произвольное число гекзаметров чередуется с произвольным числом ямбических триметров. Этот аргумент нельзя не учитывать при атрибуции папируса.

Содержание папируса определено обобщенной тематикой, типичной для фольклорной инвективы. Обобщенность инвективы в фольклоре, занимавшей особое место на аграрных праздниках, связанных с умиранием и воскресением природы, была вызвана стремлением оказать воздействие на производительные силы природы и заставить землю снова плодоносить. Содержание фрагмента согласуется со свидетельствами, в которых говорится о том, что Маргит не знал, как ему обращаться с женой, пока та не научила его хитростью (D. Chrysostr., 57, 4; Neugeb., v. v. Μαρτίτης; Eustath. ad Odys., p. 1669, 47; Schol. ad Luc., Philora., p. 162 и др.). В словаре "Суда" и в "Библиотеке" Фотия о нем сообщается одинаково (v. v. Μαρτίτης: Μαρτίτης ἄνθρωπος ἐπὶ μαρτίᾳ κοινῶς ὀνομαζόμενος, ὃν φασὶν ... νόμιον δὲ ἀγόμενον μὴ ἀφαιεῖν αὐτῆς ἀλλ' ἀκροσχεσθῆαι, φοβεσθῆαι λέγοντα μὴ τῇ μητρὶ αὐτῶν διαβάλλει... 'Маргит, человек, подвергаемый осмеянию за глупость, про которого говорят, что он, вступая в брак, не тронул невесты, но удалился, говоря, что он боится, как бы та не пожаловалась на него своей матери...'

Предпринималось несколько попыток реконструкции испорченного текста папируса. К. Латте считает возможным прочесть надежно лишь 7 отрок (1, 2, 4, 5, 6, 8, 9), при этом он минимально использует исправления и добавления текста.⁶ Мы приводим текст папируса по изданию М.Д. Веста:⁷

1....].στίν[.χ]εῖρὶ δὲ μαρτί 2....]τευχεῖ [κ]αὶ ῥα ελασσε

3.... ἐν κ]όνοι[σι]ν εἶχετο 4....]ν' ἐν δὲ [τ]ῆι ἀμίδι
5....]ἐξελετν δ' ἀμῆχανον 6....]καὶ ῥ' ἐγώμειξεν ταχὺ
7....]κ[α]τ[α]ρ[η]ν ἐφράσσατο μήτι[ν 8. ἀνδρῶσε] λιπῶν ἀπο
8έμνια [θερμά 9. αἰεε] θύρας, ἐκ δ' εἶραμεν εἴω [...
10....]ψν διὰ νόκτα μέλα[ιναν 11.]ύσειε δὲ χεῖρα [ς]
12... δι]ὰ νόκτα μέλαιν[αν 13....]φενουδε φαγίρ[...
14....]δύστηνον κα. [... 15.]έδοκεεν λιθ[16.]φι καὶ χεῖρὶ
καχ[εῖρὶ 17...]ἔθηκεν ὄστρα[κ

1. длинной [вытянутой?] рукой ... 2. ... он взял сосуд и быстро бросил ... 3. [то, что он бросил в сосуд?], находилось в трудном положении 4. ... в ночном горшке ... 5. ... он открыл бессильного вылезти ... 6. ... Он быстро помчался в большой [горшок?] 7. ... высказал [новую] мысль 8. вскочил, оставив теплую постель. 9. открыл двери и выбежал наружу ... 10. ... [идя] сквозь темную ночь ... 11. ... руки ... 12. ... сквозь темную ночь ... 13. ... без всякого факела ... 14. ... несчастного ... 15. ... казалось ... 16. ... и толстой рукой [согнутый?] 17. ... он поставил [положил?] камень ...

По мнению К. Латте, нет основания считать, что в этом папирусе описывается неудачная брачная ночь Маргита, о которой нам сообщают свидетельства древних. Однако нам кажется, что обобщенность и инвективная направленность этого фрагмента очевидны. Бурлеское чередование гекзаметров с ямбами, а также употребление в ямбических стихах слов, близких по семантике к разговорно-инвективному лексическому уровню, подтверждают это (ἀμίδι ст. 4, ἐγώμειξεν ст. 6 и др.). Реконструкция текста папируса, предпринятая Г. Лангербеком, на наш взгляд, заслуживает рассмотрения, хотя обобщенность содержания там превалирует над текстологией и не всегда обоснованно объясняются конъектуры.⁸ Ст. 1 Г. Лангербек восстанавливает:

]στίν[.δ]α]εῖρὶ δὲ μαρτί, т.е. вместо χ]εῖρὶ, как предлагали читать Э. Лобель и К. Латте, вставляет δλ]εῖρὶ. С этой конъектурой можно согласиться, так как чтение χ]εῖρὶ представляется трудным по двум причинам: во-первых, в тексте между концом предыдущего слова и началом следующего есть пропуск для двух букв, а во-вторых, при χεῖρ трудно предста-

вить определение *μακρόν*. Но то, что здесь непременно должно быть *δολεῖρι*, нам кажется, Г. Лангербеку доказать не удалось, так как он не привел примеров именно такого употребления слова "мышь". Г. Лангербек в своей интерпретации ссылается только на "Сатирикон" Петрония (58. 9), где одинаково с данным папирусным фрагментом по общенности используется семантика слова "мышь". Хотя Г. Лангербек не привел греческих параллелей, содержащих обценную семантику слова, намек на такое употребление есть во фрагменте из комедии "Драпетида" Кратина (fr. 53 Kock.): *φέρει ὄβρι σοὶ ἐξ αἰθρίας καταλυοσύνην* *μὲν δὲ ἀστροφῶν* *Ζενοφόντος*. Обценность в употреблении слова *μῦς* можно видеть и у Филемона (fr. 126 Kock). Более того, существовала греческая поговорка *μῦς λευκός* (белая мышь), которую Зенобий объясняет (Cognus Paroemiogr. Graec., I, p. 155): *ἐπὶ τῶν ἀκρατῶν περὶ τὰ ἀφροδίσια ἢ παρουσία εἶρηται*. 'Пословица употребляется по отношению к тем, кто неумерен в любовных утехах'. В истолковании первых шести строк папируса можно, на наш взгляд, присоединиться к мнению Г. Лангербека, исходя из того, что *δολεῖρι* в I ст. употреблено обценно. Не будем анализировать содержание папируса, остановимся лишь на некоторых особенностях его лексики. Следует заметить, что если в гекзаметрических стихах используется нейтральная лексика *τεύχεα* ст. 2; *μῆτι*[ν] ст. 7; *λίλων* *ἀλο δέμναι* ст. 8; ... *θύρας* *ἐκ δ' ἔβρασαν* *ἔξω* ст. 9 и т.д.), то в ямбических же стихах — слова более низкого лексического слоя: *ἐν δὲ* [τ]ῆι *ἀμύδι* ст. 4; *ἐνώμειξεν* *ταχὺ* ст. 6. Налицо противопоставление: если в гекзаметрическом стихе (2) для обозначения слова "сосуд" используется слово *τεύχεα* 'ваза, погребальная урна', то в ямбическом стихе (4) — *ἀμύς* 'ночной горшок'. Примеров, вероятно, можно было бы привести больше, если бы папирус не был так испорчен. Такой перелом стиля в соответствии с изменением размера объясняется пародийным характером фрагмента и его инвективной направленностью. Если наши предположения верны, то здесь не только констатируется факт, что герой не умеет что-то делать, но и зло вышучивается это неумение. Благодаря относительно

большому размеру фрагмента по сравнению с предыдущими мы можем проследить, как это делается, на примере двух слов: *τεύχος* и *ἀμύς*, обозначающих лексические уровни одного и того же понятия "сосуд". Слово *τεύχος* встречается у Гомера со значением 'доспехи', т.е. предметы, служащие воину защитной оболочкой против нападения противника (II., III, 328: *ἀμφ' ὤμων ἐδούστο τεύχεα καλὰ* 'На плечи он надел красивые доспехи'; ср.: II., IV, 432; XIV, 420 и т.д.). В трагедии это слово имеет значение 'ваза, погребальная урна, кадка для мытья', т.е. значение замкнутой оболочки, куда можно что-то положить: Aesch. Agam. 815, где *τεύχος* означает 'урна для голосования': *θεοὶ ... ἐς αἰματῆρον τεύχος οὐ δὴ χορρόλως φήφους ἔθεντο* 'Боги положили не колеблясь камешки в избирательную урну'. В "Андромахе" Еврипида (ст. 167) *τεύχος* выступает со значением 'кадка, лохань': ... *ἐκ χρυσόλατων τεύχεσιν χερὶ σπείρουσαν* 'Ахелфον бросов ... рассеивал рукой из золотых кадок влагу Ахелоя'. То, что слово *ἀμύς* относится, в противоположность *τεύχος*, к слову лексически низкого разговорного стиля, легко доказать. Это слово не гомеровское, но есть у Эсхила (Suppl., 842). Так глашатай Египтиадов называет корабль и, осыпая Данаид бранью, заставляет их туда взойти: *δοῦσαε, σοῦσα' ὀλομεναί ἐπ' ἀμύδα* 'Идите, идите, обреченные, на посудину!' Слово *ἀμύς* есть у Гиппократе в *Loc. Hom.*, 47: *καὶ θέραταιε ἢ ἐν ἀμύδι, ἢ ἄλλῃ τινὶ...* 'и грей в горшке или в чем-то другом'. Аристофан в *vesp.* 935 употребляет это слово со значением 'ночной горшок': *ἀμύδα μοὶ ὀβύ* 'пусть он даст мне горшок', ср. ст. 940. У Илутарха есть поговорка (Cognus Paroemiogr. Graec., II, 81): *οὐτίαν εἰς ἀμύδα ἢ ἐμβάλλειν*, что соответствует русской поговорке 'Не мечи бисер перед свиньями'. Таким образом налицо пародирование эпических "доспехов", т.е. намек на то, что доспехи комического героя в отличие от доспехов героев эпоса — не *τεύχεα*, а *ἀμύς*. Повествование от высокого стиля переходит в низкий, смеховой. *ἀμύς* при нашей концепции содержания — это "доспехи" половых органов героя, т.е. "доспехи" его материально-телесного низа. При замене одно-

го понятия другим (τέθος на φίσις) происходит как бы замещение высокого стиля низким, замена "верха" "низом".⁹

В папирусе можно видеть вывернутую наизнанку сцену боевого поединка комического героя, только вместо поля боя эпоса — βέρυια [βέρυια — теплое ложе; вместо боя с противником — поединок с девушкой, в котором герой, отступив и убежав, обнаруживает себя как трус. Отсюда следует вывод о связи Маргита с эпосом, только он — воин трусливый, его βρυα — подвиги наизнанку. Сравнение поля боя с ложем, а влюбленного с солдатом имеется в Απογειν, I, 9 у Овидия, но там нет элемента пародийности, как в нашем фрагменте, и поэтому нельзя провести непосредственную аналогию со сценой данного папируса.

Из-за метрических трудностей папирус едва ли можно атрибутировать "Маргиту", однако, кажется, этот фрагмент можно рассматривать и как сцену из древней комедии, до нас не дошедшей. Наличие ямбов во фрагменте подчеркивает его комедийную направленность, роднит его с народными инвективными песнями-ямбами. Гекзаметры указывают на то, что объектом пародирования был эпос. После того как серьезный эпос изжил себя, на смену старой форме пришла новая — народный ямб, подорвавший целостность героического гекзаметра.

Несмотря на незначительный объем сохранившихся фрагментов поэмы и папируса, можно сделать некоторые выводы относительно характера главного героя поэмы "Маргит". Его говорящее имя — комический фольклорный прием. Евстафий производит слово "Маргит" от прилагательного μάρος 'безрассудный', которое он по значению приравнивает к прилагательному κωρός 'глупый', т.е. герой — дурак. Следует заметить, что, по словам Марсия, Демосфен называл Маргитом Александра Македонского (153 F 3), когда считал, что тот поступает глупо. В данной поэме Маргит — своеобразный антигероический персонаж. Осмеянию подлежит не внешность, не характер героя, а его несуразные действия, т.е. "подвиги наоборот": он не умеет ни пахать, ни сеять; многое знает, но знает плохо и т.д.

Сохранились свидетельства древних о поэме "Маргит" и о ее героях (свидетельства александрийских грамматиков, римских

метриков и т.д.). Характер этих свидетельств дает возможность предположить, что поэма была известна в древности примерно до времени Диона Хрисостома (I в. н.э.). Ко времени Лукиана (первая половина II в. н.э.) конкретно о Маргите сообщают уже не как о герое определенной поэмы, а как о герое шванков, анекдотов, веселых трюков, причем в поздних свидетельствах большее внимание уделяется обесцененным подробностям, уже утратившим всякую связь с древней инвективой и обрядностью. Маргит, переставший существовать как герой поэмы, контаминировался с фольклорным образом глупца.

Новый интерес к чтению и изучению поэмы появляется уже в римскую эпоху, что можно заключить из свидетельств римских грамматиков. Светоний включил имя Маргита в список κωροί καὶ εὐφραεῖς (дураков и простаков).¹⁰ Кроме Маргита там упомянуты Амфиетид, Коройбе и Мелитид. Позднее Евстафий, словарь "Суда", Фотий обнаруживают путаницу в передаче шуток, приписываемых упомянутым героям, с выходками, приписываемыми Маргиту. Так, в словаре "Суда" (s.v. μαργίτης) сообщается о том, что Маргит умел считать только до пяти, боялся женщин и спрашивал у матери, не отец ли произвел его на свет. В другой статье (s.v. ἀμφιετίβης) словарь "Суда" приписывает мотив вопроса к матери о происхождении дураку Амфиетиду. Евстафий приписывает и мотив счета и вопрос к матери о происхождении Мелитиду и Амфиетиду. Схолиаст "Любителя лжи" Лукиана сообщает о некоем Коройбе, которому он приписывает мотив боязни женщин (Schol. ad Luc. Philops., p. 162). Словарь "Суда" (s.v. κοροίβος) приписывает этому герою мотив подсчета волн. Однако Михаил Апостолий (M. Apost., X, 3) относит этот мотив Маргиту. Таким образом, во времена поздней античности черты образа Маргита превратились в бродячие мотивы шванка, которые могли связываться с народным дураком вообще, независимо от его имени. Эти смешные истории в основе своей, возможно, были связаны и первоначально группировались вокруг образа Маргита (как в литературе, так и в фольклоре), но впоследствии стали приписываться народному дураку вообще. В это

время осмеяние эпоса перестало быть актуальным, и герой, пришедший со своими "подвигами" из ритуалов осмеяния, вновь ушел в фольклор, но уже в облике дурака.

Примечания

¹ R u h n k e n D. Kommentar zu Vellius Paterculus I.5. Leyden, 1779, I, 20; R a d e r m a c h e r L. Margites. - Pauly Real-Encyclopadie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Herausgegeben von G. Wissowa. Stuttgart, 1930, Bd. XVI, Hbd. II, col. 1707; D a v i s o n J.A. Quotations and Allusions in Early Greek Literature. - Eranos, 1955, vol. VIII, p. 134-135.

² G o e t t l i n g C.W. De Margita homerico. - In: Opuscula Academica. Lipsiae, 1869, p. 173.

³ T h e O x y r r h y n o s u s P a p y r i / Ed. E. Lobel and A. Roberts. London, 1954, vol. XXII.

⁴ L a t t e K. [Rec.] Oxirrhyneus Papyri XXII / Ed. Lobel and A. Roberts. - Gnomon, 1955, Bd. 27, S. 492; L a n g e r b e c k H. Margites. Versuch einer Beschreibung und Rekonstruktion. - Harvard Studies, 1958, Bd. 63, S. 33-63.

⁵ F o r d e r e r M. Zum homerischen Margites. Amsterdam, 1960, S. 5-8; L u d w i g W. [Rec.] M. Forderer. Zum homerischen Margites. Amsterdam, 1960. - Gnomon, 1961, Bd. 33, Hft. 6, S. 449-462.

⁶ L a t t e K. Op. cit., S. 492.

⁷ J a m b i et Elegi Graeci ante Alexandrum cantati / Ed. M.L. West. Oxonii, 1972, vol. II, p. 76.

⁸ L a n g e r b e c k H. Op. cit., S. 59-63.

⁹ Роль $\mu\eta\iota\varsigma$ здесь сродни той роли, которую играют "подтирки" в романе Ф. Рабле "Гаргантюа и Пантагрюэль" (Б а х т и в М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965, с. 406).

10 M e l a n g e s de Littérature Grecque contenant un grand nombre de textes inédits / Ed. E. Miller. Paris, 1868, p. 422 sqq.

А.И. Доватур

СОЛОН И МИМНЕРМ

(Поэтическая полемика

по поводу разного восприятия жизни)

Среди поэтического наследия Солона имеются четыре стиха, бесспорно обращенные к Мимнерму и представляющие собой ответ на его двустишие, в котором высказывается пожелание окончить жизнь в шестдесят лет. Эти стихи двух поэтов интересны, между прочим, и в том отношении, что дают нам основание для суждения о сравнительной хронологии жизни того и другого. Мимнерм: $\alpha\lambda' \gamma\alpha\rho \lambda\tau\epsilon\rho \nu\omicron\beta\omicron\upsilon\sigma\alpha\iota \tau\epsilon \kappa\alpha\iota \acute{\alpha}\rho\gamma\alpha\lambda\epsilon\omega\upsilon \mu\epsilon\lambda\epsilon\delta\omicron\omega\nu\acute{\epsilon}\omega\upsilon \acute{\epsilon}\xi\eta\kappa\omicron\nu\tau\alpha\acute{\epsilon}\tau\eta \mu\omicron\tau\epsilon\rho\alpha \kappa\acute{\iota}\chi\omicron\iota \theta\alpha\nu\acute{\alpha}\tau\omicron\upsilon$ (№ 6 D) 'О, если бы без болезней и тягостных забот (меня) шестидесятилетнего настиг смертный удел'. Солон: $\acute{\alpha}\lambda\lambda' \acute{\epsilon}\gamma\ \mu\omicron\iota \kappa\alpha\upsilon \nu\omicron\nu \acute{\epsilon}\tau\iota \kappa\epsilon\acute{\iota}\sigma\sigma\alpha\iota, \acute{\epsilon}\xi\epsilon\lambda\epsilon \tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon, \mu\eta \delta\acute{\epsilon} \mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\rho'. \acute{\omicron}\tau\iota \sigma\epsilon\upsilon \lambda\omicron\phi\omicron\nu \acute{\epsilon}\kappa\epsilon\rho\alpha\sigma\acute{\alpha}\mu\eta\nu, \kappa\alpha\iota \mu\epsilon\tau\alpha\lambda\omicron\iota\phi\omicron\sigma\omicron\nu, \lambda\iota\gamma\nu\alpha\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\theta\eta, \delta\omicron\beta\epsilon \delta\prime \acute{\alpha}\epsilon\iota\delta\epsilon \langle \delta\omicron\gamma\omicron\omega\nu\kappa\omicron\nu\tau\alpha\acute{\epsilon}\tau\eta \mu\omicron\tau\epsilon\rho\alpha \kappa\acute{\iota}\chi\omicron\iota \theta\alpha\nu\acute{\alpha}\tau\omicron\upsilon \rangle$ (№ 22 D) 'Если бы ты ... (пока пропускаем слова $\kappa\alpha\iota \nu\omicron\nu \acute{\epsilon}\tau\iota$) послушался меня, убери этот (стих),¹ и не сердись, что я придумал лучше тебя, и переделай, звонко поющий,² и пой так: о если бы (меня) восьмидесятилетнего настиг смертный удел'.

Следует добавить, что естественнее всего понимать слова того и другого поэта о возрасте в том смысле, что один говорит о шестидесяти и далее годах (до семидесяти), а другой - соответствующим образом о восьмидесяти. От первого стиха в четверостишии Солона зависит решение вопроса о сравнительной хронологии жизни Солона и Мимнерма - были ли они сверстниками или один - и кто именно - был старше другого. Но прежде чем приступить к выяснению в данном контексте смысла выражения